

Владимир Клавдиевич Арсеньев

Рассказы

Владимир Арсеньев

Рассказы

«Public Domain»

Арсеньев В. К.

Рассказы / В. К. Арсеньев — «Public Domain»,

«...После полудня погода испортилась. Небо стало быстро заволакиваться тучами, солнечный свет сделался рассеянным, тени на земле исчезли, и все живое попряталось и притаилось. Где-то на юго-востоке росла буря. Предвестники ее неслышными, зловещими волнами спускались на землю, обволакивая отдаленные горы, деревья в лесу и утесы на берегу моря...»

Содержание

Три гроба	5
Смерч около устья реки Тумнин	8
Касатка-Тэму	10
Змеиная свадьба	12
Ястреб и заяц	14
Бой орланов в воздухе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Клавдиевич Арсеньев

Рассказы

Три гроба

После полудня погода испортилась. Небо стало быстро заволакиваться тучами, солнечный свет сделался рассеянным, тени на земле исчезли, и все живое попряталось и притаилось. Где-то на юго-востоке росла буря. Предвестники ее неслышными, зловещими волнами спустились на землю, обволакивая отдаленные горы, деревья в лесу и утесы на берегу моря.

Пора было становиться на бивак, но вдруг я вспомнил, что, уходя из села Дата, я не завел хронометра. Если его не завести, завтра утром он остановится, и тогда – прощайте мои долги!

Надо было немедленно возвращаться назад. Я сообщил об этом моему спутнику Ноздрину. Он не протестовал и молча последовал за мною.

Мы старались держаться своих следов, но скоро потеряли их и дальше пошли медвежьей тропой. Она то приближалась к реке Улике, то снова углублялась в лес. Иногда мы ее теряли, но потом находили опять там, где была сильно примята трава. До сумерек все же успели пройти порядочное расстояние, что придало нам больше уверенности, и мы прибавили шаг. Незаметно скрылось солнце за горизонт. Сумерки надвинулись неожиданно. Воздух посинел, потом потемнело небо; начал накрапывать дождь. Как раз в это время медвежья тропа, которой мы все время держались, стала забираться в сторону от реки. Полагая, что она снова выйдет на Улике, мы доверились ей. Однако она уходила все дальше и дальше в тайгу. Тогда я решил оставить ее и свернул на юго-восток, чтобы целиной через лес выйти прямо к реке.

– Как бы нам не заблудиться, – сказал Ноздрин.

Но, по моим соображениям, река не должна была быть далеко. Часа через полтора начало смеркаться. В лесу стало быстро темнеть, пошел мелкий и частый дождь. Уже трудно было рассмотреть что-нибудь на земле. Нога наступала то на валежину, то на камень, то проваливалась в решетины между корнями. Одежда наша быстро намочила, но мы мало обращали внимания на это и энергично продирались сквозь заросли.

Вот впереди показался какой-то просвет. Я полагал, что это река; но велико было наше разочарование, когда мы почувствовали под ногами вязкий и влажный мох. Это было болото, заросшее лиственицей с подлесьем из багульника. Дальше за ним опять стеною стоял дремучий лес. Мы пересекли болото в том же юго-восточном направлении и вступили под своды старых елей и пихт. Здесь было еще темнее. Мы шли ощупью, вытянув вперед руки, и часто натыкались на сучья, которые как будто нарочно росли нам навстречу.

– Собака лает, – сказал Ноздрин и остановился.

Но как я ни напрягал слух, не слышно было ничего, кроме легкого ветерка, пробегающего по вершинам деревьев, да шума дождя.

– Это тебе показалось, – сказал я своему спутнику, и мы опять начали пробираться через заросли кустарниковой березы, поминутно натыкаясь на бурелом и обходя его то с одной, то с другой стороны.

– Надо бы «взречь», – сказал Ноздрин и, приложив руки ко рту в виде рупора, закричал что есть силы, но звук голоса не распространился по лесу и как-то глухо затерялся поблизости.

Иногда мне казалось, что я узнаю то или иное место. Казалось, что за перелеском сейчас же будет река, но вместо нее опять начиналось болото и опять хвойный лес. Настроение наше то поднималось, то падало. Наконец, стало совсем темно, так темно, что хоть глаз выколи. Одежда

наша намочла до последней нитки. С головного убора сбегала вода. Тонкими струйками она стекала по шее и по спине. Мы начали зябнуть.

– Делать нечего, – сказал я Ноздрину. – Придется ночевать.

– Ну что же, ночевать – так ночевать, – отвечал стрелок. – Здесь много бурелома, дров хватает.

В это время я наткнулся на что-то большое, громоздкое. Потеряв равновесие, я упал поперек какого-то большого предмета. Я стал подыматься и руками ощупывать длинный ящик в виде корыта, сверху забитый досками.

– Гроб, – сказал я своему спутнику.

– Должно быть, деревня недалеко, – ответил Ноздрин. – Это – кладбище, значит нам надо держать направление так...

Я не видел, куда показывал Ноздрин, и, поднявшись на ноги, пошел за ним следом. Едва мы сделали несколько шагов, как теперь он наткнулся на второй гроб, прикрытый сверху корьем. Представив себе мысленно, как расположено кладбище, я взял еще правее, но снова гроб преградил мне дорогу. Тогда я остановился, чтобы сообразить, куда держать направление.

Ночь была черная и дождливая. Ветер дул все время с северо-востока порывами, то усиливаясь, то ослабевая. Где-то в стороне скрипело дерево. Оно точно жаловалось на непогоду, но никто не внимал его стонам. Все живое попряталось в норы, только мы одни блуждали по лесу, стараясь выйти на реку Улике.

– Попробуй выстрелить, – обратился я к Ноздрину.

Стрелок снял винтовку с плеча, и я слышал, как он взвел курок затвора. Короткая молния на мгновение прорезала тьму. Звук выстрела, так же, как и окрик, не мог распространяться далеко и замер тут же, где и родился. С минуту мы неподвижно, напрягая слух и зрение, простояли на месте, но не слышали ничего, кроме шума дождя и журчания воды, бежавшей ручьями по земле. Посоветовавшись, мы решили пройти еще немного, и если скоро не выйдем из лесу, то развести огонь и ждать рассвета. Пройдя сто шагов, я увидел, что Ноздрин отстал, и окликнул его. Стрелок тотчас же отозвался.

– Сейчас, я только гроб обойду, – ответил он.

Мы стали перекликаться и пошли друг другу навстречу. Когда он был совсем близко от меня, я слышал, как он упал и выругался.

– Что случилось? – спросил я его.

– Да опять гроб! Чорт бы его побрал! – ответил он мне всердцах.

Наконец мы сошлись и, чтобы не потерять друг друга, взялись за руки. Одиннадцатый гроб вывел меня из терпения.

– Стой, – сказал я Ноздрину. – Давай устраиваться на ночь. Дальше не пойдем.

Мы сняли с себя ружья и прислонили их к дереву, затем принялись ломать сухие сучья. Один сучок упал на землю. Я наклонился и стал искать его у себя под ногами. Случайно рукой я нащупал большой кусок древесного корья.

Опыт страннической жизни научил меня всегда держать при себе засмоленную баночку со спичками и обломками целлулоида. Ноздрин нашел где-то бересту. Сунув под нее кусочек целлулоида с гребенки, он чиркнул спичкой, и тотчас желтоватое пламя взвилось тонким длинным языком. Я держал над огнем корье, чтобы его не заливало дождем, пока Ноздрин сверху накладывал сухие сучки и смолье, которое случайно оказалось на стволе растущей поблизости старой пихты. Когда костер разгорелся, мы увидели в непосредственной близости от себя целую гробницу, прикрытую сверху двускатной крышей из древесного корья. Точно сговорившись, мы стали разводять огонь около самого гроба. Когда он так же разгорелся, как и первый, мы перенесли в него весь жар и головешки от первого костра. Потом Ноздрин поправил крышу гробницы, там, где она немного обвалилась и протекала. Затем мы стали устраиваться

для ночлега. Стрелок снял с гроба два куска берестяной покрышки; я положил их на еловые ветки, устроив таким образом сухое ложе. Мы с Ноздриным сидели лицом к огню, я – с правой стороны гроба, он – с левой. Покойник лежал тоже головой к огню. Гроб выдвигался немного вперед и разделял нас настолько, что мы вынуждены были нагибаться, чтобы видеть друг друга. Под крышей гробницы, согреваемые теплом костра, мы почувствовали себя счастливыми.

Как немного надо человеку и как растяжимо понятие о комфорте!

После полуночи дождь начал стихать, но небо по-прежнему было морочное. Ветром раздувало пламя костра. Вокруг него бесшумно прыгали, стараясь осилить друг друга, то яркие блики, то черные тени. Они взбирались по стволам деревьев и углублялись в лес, то вдруг припадали к земле и, казалось, хотели проникнуть в самый огонь. Кверху от костра клубами вздымался дым, унося с собою тысячи искр. Одни из них пропадали в воздухе, другие падали и тотчас же гасли на мокрой земле.

Мы с Ноздриным сняли с себя верхнее платье и повесили его под крышей гробницы, чтобы оно просохло. Всю ночь мы сидели у костра и дремали, время от времени подбрасывая дрова в огонь, благо в них не было недостатка. Мало-помалу дремота стала одолевать нас. Я не сопротивлялся ей, и скоро все покончил глубоким сном.

Проснулся я оттого, что прозяб.

Светало. Дождь совсем перестал, и ветер совершенно стих. Густой туман заполнял весь лес. С деревьев падали на землю редкие крупные капли. Листва и трава казались неподвижными. От почти погасшего костра кверху подымалась тонкая струйка дыма. Ноздрин спал на левом боку. Я подбросил дров в огонь и разбудил его. Мы погрелись, обулись и стали осматриваться. Оказалось, что кладбище, на котором мы ночевали, состояло всего только из трех гробов. Значит в темноте мы все время кружили по одному и тому же месту, постоянно натываясь на эти три гроба.

В это время потянул слабый ветерок. Туман пришел в движение, и тогда шагах в четырехстах впереди мы увидели орочское селение Дата.

Смерч около устья реки Тумнин

После недавней бури в природе воцарилась полная тишина, хотя небо больше, чем вчера, было покрыто тучами. В виде темной скатерти они неподвижно повисли над морем; на запад, в глубь материка, серо-свинцовое небо простиралось насколько хватал глаз. Лохматые тучи стояли над землей так низко, что все сопки, как срезанные под один уровень, имели вид разоб-щенных между собою столовых гор. Свежевыпавший снег толстым слоем, словно капюшоном, прикрыл юрты туземцев, опрокинутые вверх дном лодки, камни, пни, оставшиеся от поруб-ленных недавно деревьев, и валежник на земле. Однако белоснежный убор земли не прида-вал ландшафту веселого и праздничного вида. В темном небе, в посиневшем воздухе, хмурых горах и в черной, как деготь, воде чувствовалось напряжение, которое чем-то должно было разрядиться.

Я взял лодку и переехал на другую сторону реки Улики. Перейдя через рошу, я вышел к намывной полосе прибоя.

Абсолютный штиль был в море. Даже трудно представить его себе в таком спокойном состоянии: ни малейшего всплеска у берега, ни малейшей ряби на его гладкой поверхности. Большой мыс Лессепс-Дата, выдвинувшийся с северной стороны в море, с высоты птичьего полета должен был казаться громадным белым лоскутком на темном фоне воды, а в профиль его можно было принять за чудовище, которое погрузилось наполовину в воду и замерло, словно прислушиваясь к чему-то. И море и суша были безмолвны, безжизненны и пустынно. Белохвостые орланы, черные кармораны, пестрые каменушки и белые чайки – все куда-то спрятались и притаились.

Я пошел вдоль берега навстречу своему спутнику, который тоже спешил мне навстречу и озабоченно смотрел куда-то в море.

– Куда вы торопитесь? – спросил я его.

– Пароход идет, – сказал он, указывая рукой в сторону Советской гавани.

Я оглянулся и увидел столб дыма, подымающийся из-за мыса, отделяющего бухту Чжу-анка от бухты Дата. Сначала я тоже подумал, что это дым парохода, но мне показалось стран-ным, что судно держится так близко к берегу, да, кроме того, ему и незачем заходить за этот мыс.

Потом меня удивило вращательное движение дыма, быстрота, с которой он двигался, и раскачивание его из стороны в сторону. Темный дымовой столб порой изгибался, утончался, опять делался толще, иногда разрывался и соединялся вновь.

Я терялся в догадках и не мог дать объяснение этому необычайному явлению. Когда же столб дыма вышел из-за мыса на открытое пространство, я сразу понял, что вижу перед собой смерч. В основании его вода пенилась, как в котле. Она всплескивалась, вихрь подхватывал ее и уносил ввысь, а сверху в виде качающейся воронки спускалось темное облако.

Из-за мыса смерч вышел тонкой стружкой, но скоро принял большие размеры, и по мере того, как он увеличивался, возрастала быстрота его вращения и поступательное движение на северо-восток. Через несколько минут он принял поистине гигантские размеры и вдруг разде-лился на два смерча, двигавшиеся в одном направлении к острову Сахалину.

Спустя некоторое время они снова стали сходитьсь. Тогда небо выгнулось, а вода взду-лась большим пузырем. Еще мгновение, и смерчи столкнулись. Можно было подумать, что там взорвалась громадная мина. В море поднялось гигантское волнение, тучи разорвались и повисли клочьями, и на месте смерчей во множестве появились вертикальные полосы, похожие на ливень. Затем они стали блекнуть, и нельзя было решить, что это – дождь или град падает в воду. Потом в море появилась какая-то мгла, заслонившая полосы, оставшиеся от смерчей.

Тучи, до сего времени неподвижно лежавшие на небе, вдруг пришли в движение. Темносерые с разломаченными краями, словно грязная вата, они двигались вразброд, сталкивались и поглощали друг друга. Ветер, появившийся сначала в высших слоях атмосферы, скоро спустился на землю, сначала небольшой, потом все сильнее и сильнее. Небо стало быстро очищаться.

Сделав необходимые записи в дневник, я отправился к старшине Антону Сагды. У него я застал несколько человек орочей и стал их спрашивать о смерчах. Они сказали мне, что маленькие смерчи в здешних местах бывают осенью, но большие, вроде того, который я наблюдал сегодня, – явление чрезвычайно редкое. Орочи называют его сагды сюи.

Старшина рассказал мне, что однажды, в бытность его еще молодым человеком, он в лодке с тремя другими орочами попал в такой смерч. Он подхватил лодку, завертел ее, поднял на воздух и затем снова бросил на воду. Лодка раскололась, но люди не погибли. Помощь оказали другие лодки, находившиеся поблизости.

Касатка-Тэму

Обойти «непропуск» оказалось не так-то легко. Мы лезли в гору, пробирались сквозь густые заросли и обходили осыпи; местами крутизна принуждала нас взбираться еще выше и долго идти косогором. Судя по времени и пройденному расстоянию, «непропуск» должен был быть уже сзади. Теперь начался спуск, сначала крутой, но потом он сделался положе. Я полагал, что мы скоро выйдем к морю, но ошибся. Сквозь просветы между деревьями уже виднелась вода и слышался шум прибоя, как вдруг совершенно неожиданно опять оказался обрыв и на этот раз совершенно отвесный. По краю его мы дошли до оврага. Это обходное движение отняло у нас много времени. Спуск в овраг был очень крут и загроможден большими камнями. Глубокие ямы по руслу его, замаскированные травой, представляли настоящие ловушки. Туземцы двигались медленно, разбирая траву руками и, несмотря на это, часто падали и ушибались. Овраг, по которому мы спускались, оказался длинным. Но вот кустарники стали редеть; в лицо повеяло сыростью и запахом моря. Еще несколько шагов, и мы все разом вышли на намывную полосу прибоя.

Свежий юго-восточный ветер гнал к берегу волны. Они зарождались далеко там, где небо сходится с землею, и шли в стройном порядке, не сталкиваясь и не обгоняя друг друга. Ветер срывал с их гребней белую бахрому и мелким дождем разносил ее по морю. Со стороны казалось, будто волны дымятся. Как раз против оврага из воды торчали два больших камня. Один из них был похож на каравай хлеба, другой – на гигантскую жабу, обращенную головой к югу. Волны с шумом разбивались о них. На мгновение жаба пропадала, но вслед за тем из белой пены опять появлялась ее голова на том же месте. Вода каскадом сбегала с ее спины, но тотчас ее накрывала другая волна, за ней третья. Это было какое-то тупое соревнование между неподвижной каменной жабой и морской водою, нападающей на берег.

Горная порода, вынесенная из оврага и разрушенная морским прибоем, превратилась в гравий и образовала широкую отмель. Вода взбегала на нее с сердитым шипеньем и тотчас уходила в песок, оставляя после себя узенькую полоску пены, но следующая волна подхватывала ее и бросала на отмель дальше прежнего.

Шагах в полутора от камней, на прибрежной гальке, у самого края воды лежала какая-то большая темная масса. От ударов волн она вздрагивала и колыхалась. Иногда она подымалась немного вверх, но каждый раз, как только волны отходили назад, она снова сползала к морю. Это было что-то грузное, рыхлое, мягкое. Как только мы спустились из оврага, с нее снялось несколько птиц, в числе которых были и вороны. Несомненно, это был морской зверь, выброшенный волнами на берег. Мы тотчас направились к нему. Оба туземца шли впереди, а я несколько отстал. Вдруг они остановились, стали всматриваться в темную массу и затем бросились назад. На лицах их был написан испуг. Не зная в чем дело, я тоже остановился и приготовил ружье, но убедившись, что животное мертво, подошел к нему вплотную. Это оказалась касатка – самое свирепое из морских чудовищ, наводящее ужас на всех зверей и рыб. Даже акула от нее убегает и в страхе выбрасывается на отмель.

Я обошел мертвое животное кругом. Большое веретенообразное тело ее было покрыто темной кожей, к которой во многих местах прикрепилась раковина усоногих. Оно имело в длину около шести метров и оканчивалось хвостовыми плавниками, как у всякого китообразного. Брюхо ее было грязно-белого цвета; два небольших боковых плавника находились недалеко от головы, а на спине, кроме того, выдавался еще огромный треугольный плавник. Небольшая голова, но громадная пасть, вооруженная многочисленными острыми зубами, маленькие глаза с светлыми пятнами позади их, в которых застыло выражение жестокости и злобы, придавали ей действительно страшный и отталкивающий вид. По-видимому, касатка давно уже подохла; туша начала разлагаться и издавала зловоние.

В это время я слышал крики. Я оглянулся и у входа в овраг увидел туземцев, делающих мне какие-то знаки. Когда я подошел к ним, они тревожно стали говорить о том, что мертвый зверь есть «Тэму» – грозный хозяин морей, и потому надо как можно скорее уходить отсюда. Человека, который позволит себе подойти к Тэму, да еще тронуть его, непременно постигнет страшное несчастье... Я стал говорить, что касатка мертва и потому совершенно неопасна, но они ответили мне, что Тэму может прикидываться мертвым, оставлять на берегу свою внешнюю оболочку, превращаться в наземных зверей и даже в неодушевленные предметы. Они ни за что не хотели дальше идти берегом моря и предпочитали вновь карабкаться в горы. Напрасно я приводил им всякие резоны; они оставались непреклонны.

Тогда я условился, что буду ждать их около второго мыса. Мы расстались; туземцы пошли назад по оврагу, а я по намывной полосе прибоя. Как и надо было ожидать, к указанному мысу я пришел раньше их часа на два.

С закатом солнца ветер засвежел, небо покрылось тучами, и море еще более взволновалось. Сквозь мрак виднелись белые гребни волн, слабо фосфоресцирующие. Они с оглушительным грохотом бросались на берег. Всю ночь металось море, всю ночь гремела прибрежная галька и в рокоте этом слышалось что-то неумолимое, вечное.

Рано утром один из стрелков ходил на охоту за нерпами. Возвратясь, он сообщил, что бурей ночью мертвую касатку снова унесло в море. Я не придавал его словам никакого значения, но орочи нашли это вполне естественным: Тэму вернулся, принял свой обычный вид и ушел в свою родную стихию.

После полудня ветер начал стихать, и море стало успокаиваться; вместо волн с острыми гребнями появилась мертвая зыбь. Незадолго до сумерек мы пошли собирать дрова. Вдруг один удэхеец что-то закричал. Я обернулся и увидел недалеко от берега большой черный плавник, быстро рассекающий воду. Это была касатка-гладиатор. Она дважды прошла вперед и назад, затем остановилась и встала к нам головой так, что плавник ее сделался похожим на палку. Касатка то опускалась вглубь, то снова всплывала на поверхность воды, порой она совсем близко подходила к берегу и вдруг бросалась назад, издавая какие-то странные звуки, похожие на грузные вздохи или заглушённое мычание.

Когда на западе угасли отблески вечерней зари и ночная тьма окутала землю, удэхейцы камланили. Они притушили огонь. Один из них накрыл себе голову полотенцем и, держа в руках древесные стружки, произносил заклинания, а другой взял листочек табаку, несколько спичек, кусочек сахару и сухарь и все побросал в море, Это было жертвоприношение.

Змеинная свадьба

Солнце только что перевалило за полдень. Жара стояла невыносимая. Был один из тех знойных июльских дней, когда нагретая солнцем земля не успевает за ночь излучить тепло в мировое пространство, а на другое утро, накапливает его еще больше, и от этого становится невыносимо душно. Сегодня было как-то особенно «глухо». Солнце палило немилосердно и так нагрело камни на берегу, что от прикосновения к ним обнаженной рукой получалось впечатление ожога. Солнечные лучи отражались от воды ослепительными бликами, так что больно было смотреть. Все птицы и звери попрятались от зноя. Глубокая тишина в природе нарушалась только однообразно монотонным шумом воды в реке, да жужжанием насекомых. И чем сильнее пекло солнце, тем больше они проявляли жизни. Одни из них летали, другие бегали по песку, третьи взбирались по цветковым растениям как бы для того, чтобы убедиться, все ли здесь в порядке. Достигнув вершины, они тотчас поворачивались и начинали спуск по стебельку или, расправив жесткие надкрылья, вдруг снимались с места и перелетали на другое растение, где торопливо начинали тот же осмотр. Я долго следил за ними. Их было так много: больших и малых, ярко окрашенных и мало заметных, изящных и безобразных, некрасивых, всевозможных форм, простых или представляющих из себя настоящих чудовищ в миниатюре. Внимание мое привлекли какие-то насекомые из семейства жужелиц. Они бегали по песку и иногда замирали в неподвижной позе, вдруг делали прыжки и, схватив какое-нибудь насекомое, тут же принимались пожирать его с жадностью. Это очень хищные, прожорливые и осторожные жуки, пестро окрашенные, с выпуклыми глазами и сильными челюстями. При малейшем намеке на опасность они тотчас поднимались на воздух и мгновенно исчезали из виду.

В это время ко мне подошел Ноздрин и напомнил, что мы с ним собирались к мысу Чжуанка. Покончив с насекомыми, я взял свое ружье и отправился с ним вдоль берега, имея намерение осмотреть береговые обнажения. Здесь у подножия валялось много угловатых обломков различной величины – от метра в кубе до размеров человеческой головы, с острыми краями и заросших грубой осокой и каменной полынью. На высоте двух метров от подножья скала имела длинный карниз. Я подошел к нему вплотную и стал высматривать, где можно было бы на него взобраться. В это время в поле моего зрения на самом краю выступа, как мне показалось, мелькнул какой-то небольшой предмет, величиной с наперсток. Мелькнул и пропал... Я уже хотел было схватиться руками за край выступа, как опять показался тот же небольшой продолговатый предмет, но уже в другом месте. На этот раз я успел рассмотреть его лучше. Он был на длинной ножке. Это меня заинтересовало, и я удвоил внимание. Минуты через две на самом краю обрыва опять увидел два таких предмета. Один сразу скрылся, а другой остался неподвижным. И вдруг мне стало ясно. Из верхнего конца «предмета» на стебельке высунулся темный вилообразный язычок змеи. Невольно вскрикнув, я поспешно отдернул свои руки прочь от камней. Я отодвинулся от выступа шага на два, а Ноздрин пошел искать, нельзя ли взобраться на карниз где-нибудь в другом месте. Поиски его увенчались успехом. Я видел его идущим вдоль карниза и крикнул, чтобы он был осторожней. Ноздрин замедлил шаг и внимательно стал смотреть себе под ноги. Немного не доходя до места, где я видел змей, он вдруг остановился. По выражению его глаз я видел, что он сосредоточил свое внимание на чем-то страшном и неприятном.

– В чем дело? – спросил я его.

– Да тут змей много, и все они в куче, – ответил стрелок.

– Будь осторожен; не трогай их, – сказал я Ноздрину, снова подходя к обрыву.

Отступив немного назад, он протянул мне руку, и я без труда взобрался на уступ, где увидел большую расщелину, идущую наискось вдоль террасы; одной стороной она близко под-

ходила к самому краю террасы. Расщелина была длиною более метра и шириною в 12 сантиметров. Судя по тому, что верхние края ее круто падали внутрь, надо полагать, что она была глубиною около полуметра. Вся она доверху была наполнена змеями. Плоские головки их ромбовидной формы, пестрый рисунок на теле, короткие шеи и хвосты и злобное выражение глаз с щелевидными зрачками указывали на то, что все это были ядовитые змеи. Они сплелись в большой клубок, так что трудно было сказать, которой из них принадлежала та или иная часть тела. Змеи едва шевелились; время от времени они поднимали свои головки и высовывали язычки. Их-то я и видел, когда стоял внизу у подножья карниза.

В это время на краю щели появился большой черный муравей. Он спустился внутрь на одну из змей и взобрался ей на голову. Муравей лапками коснулся глаза и рта пресмыкающегося, но оно чуть только показало язычок. Муравей перешел на другую змею, потом на третью – они, казалось, и не замечали присутствия непрошенного гостя.

Тогда Ноздрин потрогал змей палкой. Я думал, что они разбегутся во все стороны, и готовился уже спрыгнуть вниз под обрыв, но, к удивлению своему, увидел, что они почти вовсе не реагировали на столь фамильярное, к ним отношение. Верхние пресмыкающиеся чуть шевельнулись и вновь успокоились. Стрелок тронул их сильнее. Эффект получился тот же самый. Тогда он стал бросать в них камнями, но и это не помогло вывести их из того состояния неподвижности, лени и апатии, в которой они находились.

Было неприятно смотреть на расщелину, буквально заполненную змеями, которые к тому же издавали какой-то особый специфический запах.

Когда мы возвратились на бивак, Ноздрин стал рассказывать своим товарищам о том, что видел. Стрелки хотели итти туда и обварить змей кипятком, но я отсоветовал им делать это и объяснил, что пресмыкающиеся всегда собираются в клубки для копуляции, во время которой оплодотворяются самки. Весь вечер казаки и стрелки говорили про змей. У каждого было что вспомнить. Чжан-Бао говорил, что они могут превращаться в людей. Ороч Намука сказал, что по словам Кяка (удэхейца), где-то живет тоже большая змея Модуми, которая может изо рта изрыгать пламя, а гольд Косяков с таинственным видом сказал, что у них на Уссури был шаман, который водил за собою змей и давал им разные поручения в качестве посыльных. В заключение выступил Марунич. «Два года тому назад, – сказал он, – я увидел змею, свернувшуюся на песке. Я ударил ее палкой. Так что бы вы думали: она схватила зубами за эту самую палку». У него выходило так, что змея обнаглела до того, что осмелилась кусать тот предмет, который ей нанес удар по голове.

Часов в девять вечера с моря надвинулся туман настолько густой, что на нем, как на экране, отражались тени людей, которые то вытягивались кверху, то припадали к земле. Стало холодно и сыро. Я велел подбросить дров в огонь и взялся за дневники, а казаки принялись устраиваться на ночь.

На другой день мы продолжали наш путь. Когда лодки проходили мимо мыса Чжуанка, я, Ноздрин, Крылов и Чжан-Бао отправились посмотреть на змей, но расщелина оказалась пустой. Мы перевернули несколько больших камней у подножья карниза, но и тут ничего не нашли.

Ястреб и заяц

С вечера погода стала портиться, а к утру все небо уже покрылось серыми тучами. Вчера еще они шли поверх самых высоких сопок, а теперь спустились вниз. Тяжелые, лохматые, они двигались куда-то на юго-запад, взбирались по распадкам, обволакивали мысы и оставляли в поле зрения только подошвы гор. Тучи ползли медленно, окутывая в сумрак поверхность земли. В темном небе и в тишине, воцарившейся в природе, чувствовалось напряжение, которое вот-вот должно было разразиться жестокой бурей. Казалось, будто небесные стихии выжидали только удобного момента, чтобы всеми силами обрушиться на землю, но какие-то другие силы мешали им, и потому небо так хмурилось и грозило дождем.

Опасаясь, что дождь будет затяжным и в палатке придется сидеть, как под арестом, я решил, пока еще сухо, погулять по ближайшим окрестностям, не уходя далеко от бивака. Я пошел по тропе, протоптанной медведями, но скоро ее потерял; тогда я направился целиною к соседним холмам.

Взобравшись на вершину одного из них, я увидел за перевалом длинный пологий склон, покрытый травянистой растительностью и кустарниковой ольхой по ложбинкам, служившим для стока дождевой воды. Слева в виде длинной зубчатой развалившейся стены протянулся горный кряж, слагающийся из гранитных утесов, а справа – широкая долина, по которой извивалась речка, а за ней стоял хмурый елово-пихтовый лес. Я прошел с полверсты и хотел было уже повернуть назад, как вдруг что-то мелькнуло в отдалении и низко над землей, потом еще раз, еще, и вслед за тем я увидел какую-то небольшую хищную птицу, которая летела низко над землей и, по-видимому, кого-то преследовала. Такое заключение я сделал потому, что пернатый хищник летел не прямо, а зигзагами. Почти одновременно я увидел зайца, который со страху неся, не разбирая куда: по траве, мимо кустарников и по голым плешинам, совершенно лишенной растительности. Когда заяц поровнялся со мною, крылатый разбойник метнулся вперед и, вытянув насколько возможно одну лапу, ловко схватил его свою жертву, но не был в состоянии поднять ее на воздух. Это не остановило зайца, и он побежал дальше, увлекая за собой своего врага. Хищная птица при помощи крыльев старалась сдерживать зверька, однако это ей не удавалось. Тогда она, не выпуская из левой лапы своей добычи, правой на бегу стала хвататься за все, что попадалось по дороге: за стебли зимующих растений, и сухую траву, и прочее. Но они обрывались, и заяц с своим странным всадником на спине неслись дальше. Но вот на пути оказался ольховник. Когда они поровнялись с кустарником, пернатый хищник ловко ухватился за него. Ноги птицы растянулись, левая удержала зайца за спину, а правая вцепилась в корневище. Заяц вытянулся и заверещал. Тогда ястреб, я теперь мог его хорошо рассмотреть, подтянул зверька к ольховнику и нанес ему два сильных удара клювом по голове. Заяц затрепетал. Скоро жизнь оставила его. Только теперь хищник выпустил корень и обеими ногами взобрался на свою жертву. Он оглянулся, расправил свой хвост, оглянулся еще раз, затем взмахнул крыльями и поднялся на воздух. Ястреб полетел к лесу вместе с добычей. Две вороны тотчас полетели за ним следом. Они знали, что после завтрака ястреба и им кое-что перепадет. Среди птиц вороны играли роль шакалов. Так же как и последние, они питаются падалью и остатками от трапезы сильных хищников.

Бой орланов в воздухе

После завтрака я взял свое ружье и пошел осматривать долинку, в которой мы встали биваком. С утра погода стояла великолепная: на небе не было ни единого облачка, солнце обильно посылало свои живительные лучи, и потому всюду на земле было так хорошо – по-праздничному. Кустарниковая и травяная растительность имела ликующий вид; из лесу доносились пронзительные крики дятлов, по воздуху носились шмели, порхали бабочки...

Обойдя небольшое болотце, я нашел зверовую тропу, протоптанную, должно быть, медведями, которая привела меня на старую гарь, заваленную колодником, заросшую ерником и ежевикой.

С утра я неладно обулся, что-то жесткое попало мне под подошву и мешало ступать. Я стал на первую попавшуюся валежину и стал переобуваться. Вытряхнув из обуви посторонний предмет, я снова оделся, и только хотел было встать, как вдруг увидел белохвостого орлана.

Распластав свои сильные крылья, он летел мне навстречу, направляясь к лиственнице, растущей посреди небольшой полянки. Описав около меня большой круг, он ловко, с наскока, уселся на одну из верхних ветвей и сложил свои крылья, но тотчас приподнял их немного, расправил и сложил снова.

Орлан оглянулся по сторонам и затем нагнул голову вниз. Тут только я заметил в лапах у него какой-то предмет, но что именно это было – за дальностью расстояния – не было видно. Вдруг сзади и немного влево от меня послышался крик, какой обыкновенно издают пернатые хищники. Орлан насторожился. Он нагнул голову, дважды кивнул ею и раскрыл свой могучий желтый клюв. Оперение на шее у него поднялось. В этом виде он действительно оправдывал название царя птиц.

В это мгновение я увидел другого орлана, направляющегося к той же лиственнице. Царственный хищник, сидевший на дереве, разжал лапы и выпустил свою жертву. Небольшое животное, величиною с пищуху, полетело вниз и ударилось о землю с таким шумом, с каким падают только мертвые тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.